

— Сегодня у нас в гостях Александра Ливергант, медиа-менеджер, специалист по коммуникациям. Около месяца назад я написал на Фейсбуке о том, что Ереван стремительно превращается в Москву. Александра с этим категорически не согласна. Александра? Но для начала опишу ситуацию. Ереван очень спокойный, легкий, мягкий, абсолютно не агрессивный город, а Москва — его полная противоположность, город очень жесткий, очень скоростной очень агрессивный. И все это приехало сюда.

— Ну, к тому же Москва это очень конкурентный город, и большая часть моего несогласия растет из моего протеста против этого процесса. Мне как раз не хочется, чтобы это происходило, при том, что я жила в Москве всю свою жизнь и люблю ее. Это мой родной город, это не обсуждается. Но теперь я живу в Ереване, который дает мне совершенно другое ощущение. От себя и от города. То, про что ты сказал, что он мягкий, такой легкий, принимающий. Я не привыкла так жить. Я хочу продолжать жить в такой же атмосфере, и, мне кажется, что ее не перебить. Даже модные кофейни, которые появляются там, оформленные в стиле лофт, или там сорта кофе, которые зашкаливают за 20 наименований, к которым мы привыкли в Москве. Но я прекрасно без этого обходилась здесь и сейчас обхожусь без этого точно так же. И как раз поэтому мне кажется, что то, про что ты говоришь, это такие внешние маячки. Да, что вот там эти вот сорта кофе, разные рестораны, что-то еще, что комфортную среду создаёт, но дух это переломить, по-моему, не может.

— Но в первую очередь это касается поведения людей. Я в свое время работал в редакции глянцевого журнала и прекрасно помню, с каким видом ходили по этой редакции люди. У каждого на лице была написана зарплата: 1000 долларов, 5.000 долларов, 10.000 долларов. Примерно с таким же видом последнее время москвичи ходят по Еревану.

— Ну, это, по-моему, вообще не сопоставимые примеры. Потому — я хочу отдельно на этом поставить восклицательный знак — что большинство людей из Москвы, которые находятся здесь, это эмигранты. Ну, не в том положении уехавшие из России люди или бежавшие от мобилизации, или уехавшие по морально-этическим соображениям, чтобы у них отпечаталась какая-то зарплата специальная на лбу. Я думаю, это что называется пережитки прошлого, эти вот цифры заветные. Может, они впечатались, они, может, не смываются. И это некоторые защитные реакции, потому что, вообще говоря, эмиграция — это довольно неслабые испытания, и все переживают это по-разному. И один из способов справиться с этой ситуацией — делать вид, что всё прекрасно. И когда ты делаешь вид, что всё зашибись, ты хочешь, чтобы на лбу высвечивалась заветная цифра. Вот поэтому я не исключаю, что такое впечатление складывается от того, что люди хотят, чтобы они такими казались.

— То есть космические зарплаты исчезли, а чувство превосходства осталось?

— Это попытка уцепиться за привычные вещи. Ты жил себе и жил, у тебя был определенный модус, определенные привычки, определенное устройство жизни, а потом ты переехал в совершенно другую жизнь, здесь все по-другому, город по-другому устроен, законы в нем другие. Я, например, уже больше года не сидела за рулём. Хотя всю свою московскую жизнь ездила на машине и очень мало ходила пешком. Привычки тоже абсолютно меняются, и это такого размера изменения, которые сложно переварить. Ты говоришь, превосходство или снисходительность. И мне не нравится эти слова. Я не хотела бы, чтобы когда-нибудь это могло быть отнесено ко мне, но мне кажется, это такой способ защиты, способ цепляться за привычные какие-то паттерны, в том числе поведения, это очень важная вещь.

— Это и есть попытка реконструкции Москвы, и все это очень странно. На мой взгляд, поскольку, ну не все конечно, но, мне кажется, некоторые, в том числе я, уехали из

России именно от этой жизни. Но при этом есть очень существенная часть приехавших русских, которые действительно они живут по этому принципу: у нас не получилось жить так там, скорее всего, получится здесь.

— Во-первых, это утопия. Невозможно просто взять лекала и перенести сюда, на другую ткань и это как будто бы начнет происходить. Так не будет. Когда ты говоришь про то, что люди пытаются перенести с собой сюда Москву, мне кажется, что люди пытаются делать то, что они умеют, они пытаются сделать это здесь отчасти для того, чтобы принести что-то сюда. Люди, которые открывают заведения, которые в Москве пользовались популярностью, и здесь это тоже пользуется популярностью не только у русских, но и людей, которые живут здесь, и таким образом действительно получается какое-то взаимопроникновение. Еще один момент, ты говоришь, типа приехавший русский, но я бы, во-первых, сказала шире, это приехавшие русскоязычные люди из России, которые говорят по-русски. Но мы совершенно не берем людей, которые родились в Армении или они просто армяне, выросшие в России, которые тоже приехали. А их чуть ли не сопоставимое количество с приехавшими сюда русскими, это тоже люди. Да, это тоже люди привыкшие к той самой московской жизни, которая тебе здесь так не нравится, который тебе не нравилось там, и мы на самом деле ведь не знаем, эти московские в кавычках места, кто их открывает. Делают ли это русские люди или армяне, приехавшие из России, в данном случае мы все одним миром мазаны. Интересный такой компот. Мне просто кажется, что мы сейчас находимся в самом начале. Прошел там год и три месяца, у кого-то полтора года, это не маленький срок, но вообще-то говоря, очень маленький срок, взаимопроникновение сейчас только-только начинается. Я себе представляю это не как нахлобучку сверху, что тут я приехала, я умею, там не знаю, что-то делать. Я приехала, открыла модное ателье, и вот у меня теперь будет здесь такое модное ателье, я открою модное ателье, но я буду шить такие платья, которые нравятся здешним женщинам, понимаешь.

— Это какая-то идеальная ситуация, в реальности происходит немножко иначе. Люди повторяют то, чем занимались в Москве, пытаюсь внушить, что это лучше.

— Сейчас опять буду с тобой спорить. Здесь есть две стратегии поведения, одна стратегия поведения: мы в Москве жили таким образом и делали такие-то проекты. Теперь мы приехали сюда, и тут мы разветвляемся, одни люди делают кальку, то есть, то, как они делали в Москве, считая, что это должно понравиться тем, кто здесь. Другие люди пытаются делать то, что они делали в Москве, адаптируя это под местную жизнь, нанимая на работу армян, советуясь с местными людьми о том, что им нужно. Если это книжный магазин, выставляя на полке книжки на армянском языке, делая меню на трех языках: по-русски, по-армянски, по-английски. Делая так, чтобы обязательно хотя бы несколько человек из персонала знали армянский язык, чтобы обязательно было что-то армянское. Я имею ввиду, что есть две как бы тут стратегии, одна стратегия, первая, она хуже для интеграции, просто потому, что это происходит медленнее, вторая стратегия лучше для интеграции. Потому что ты стараешься пропитаться какими-то местными порядками, местными потребностями, прежде всего для меня, например, важный момент состоит в том, что вот то, с чего ты начал. Да, Ереван лёгкий, открытый, очень любящий город, он очень тепло меня принял, обнял. И теперь у меня есть идея внутренняя какая-то, что мне нужно тоже что-то этой стране, этому городу дать. Но что же я могу ему дать, если я все, что я умею, я привезла оттуда?

— Мы все-таки начинаем новую жизнь, если мы её начинаем всерьёз, то мы начинаем с нуля или почти с нуля. То, что произошло в России, полтора года назад, на мой взгляд, абсолютно обесценивает прошлую жизнь, вычеркивает ее. Это полный разгром, полный проигрыш, страшно произнести, но, в общем, в каком-то плане все это было зря. И это ужасно сложно, но мне кажется, надо постараться найти мужество

прожить вторую жизнь, а не продолжить первую, которая привела вот к этому.

— Из твоих слов следует, что любые проявления той жизни на новом месте опять влекут за собой катастрофу.

— Они как минимум неприятные.

— Мне сложно признать, что вся моя прошлая жизнь коту под хвост, скажу честно. То есть, да, случилось катастрофа, мне очень сложно согласиться с тем, что все, что я делаю всю свою сознательную жизнь, к этой катастрофе привело, ее каким-то образом допустило. Теперь что касается новой жизни. Да, у нас в какой-то мере уникальные ситуации, мы, в общем-то, в середине жизни, уже, можно сказать, даже ближе к началу второго ее половины получили шанс опять что-то сделать, это дорогого стоит, и в этом смысле Армения — довольно уникальное место. Люди же рассредоточены по разным странам, мы знаем, как люди устраиваются в Грузии, в Сербии, в Германии, в Израиле, в других странах, и можем это сравнивать с собой, понимаем, что здесь у нас еще очень принимающая среда по сравнению с другими странами. Да, это дает нам фору, это дает возможность действительно что-то новое делать. Но мы же не в фильме «Люди в черном», ты там нажимаешь на волшебный прибор, и все у тебя обнуляется в голове, все заново можно сделать. Никуда не деть весь свой предыдущий пользовательский опыт.

— Ну, это нормально. Плохо, если это опять-таки рождает чувство превосходства. Я много раз на полевых исследованиях, так сказать, видел эту москвоцентричность. Приходит человек в кафе и, значит, начинает рассказывать официанту, что у него все не так. А почему не так? А потому что в Москве иначе. Ну, я же знаю как это правильно. Приехали люди с этой матрицей в голове, они знают, как правильно, поскольку жили в центре мира.

— Конечно, Москва развращает в том смысле, что ты действительно считаешь, что эта жизнь, ну, такая, какая она должна быть. Но ведь многое в Москве, в современной Москве заимствовано из европейской и западной жизни. Таким образом получается, что отчасти эти все московские привычки, допустим, там в комфорте, в каком-то там ресторанном бизнесе или в чем-то, переняты у Запада. А теперь они насаждаются здесь, и получается, что сюда приходят западные привычки, адаптированные, пропущенные через московский фильтр.

— Мы же помним теперь, что можно позаимствовать какие-то европейские приколы и при этом поддерживать убийство украинцев.

— Да, вдруг оказалось, что это вполне совместимо, но мы сейчас говорим о некотором таком даже не об идеологическом и не о смысловом, не о смысловой какой-то похожести, а о внешних вещах, которые начинают проявляться, но я хочу тебе задать вопрос в ответ: у тебя же есть друзья армяне? Ты с ним и говорил об этом?

— Да и мне сказали следующее, что, да, это вполне возможно, есть такой вариант развития событий, что называется, москвализация Еревана, и сказали даже, что есть такая опасность. Но скорее всего это проявится в виде каких-то русских гетто. Я вдруг вспомнил что ведь у нас в России это же тоже было что-то вроде гетто. То есть некие элитарные пространства, это же тоже своего рода такое европейское или скорее псевдоевропейское посреди нищей, несчастной погибающей страны.

— Сама Москва и есть такое огромное гетто. Вообще-то, если уж говорить прямо, то Москва никогда не считалась ни с чем, что происходит в стране, всегда все деньги туда текли, всегда это была суперроскошная жизнь на фоне действительно вполне нище остальной страны. И за это Москву всегда все не любили и не любят, и это уже российский контекст, который как бы никуда не делся и я думаю, что это никуда не денется. Но тут интересен другой момент, что, помимо всего того, что ты говоришь про

Ереван, у него есть двойное дно, которое состоит в том, что при такой принимающей, мягкой, ленивой и такой знойной среде на самом деле он не такой простой. Поэтому если что-то будет не по нему, то он это просто не воспримет, либо кончится тем, что действительно туда будут ходить только русские, которым в конце концов просто надоест и они перестанут ходить. Либо это место не приживется, закроется и таких примеров тоже полно. Есть еще один момент, этот московский приход стимулирует развитие местных вещей, ведь больше конкуренции происходит.

— Так произошло бы в нормальной ситуации, если бы все эти годы, все эти последние 30 лет Армения развивалась нормально, но этого не было как раз по вине нашей Родины. Мне не хочется обижать никого, но мне кажется, что многие тут сейчас не очень способны эту конкуренцию выдержать, и они в этом не виноваты, просто у нас разные стартовые позиции. Я, скажем, слышал такие вещи, что из-за того, что приехало сюда очень много айтишников, в том числе очень высокого класса, многим армянским айтишникам стало искать работу сложнее. То же самое с рынком недвижимости происходит, искать квартиру стало сложнее из-за того, что цены из-за нас так выросли.

— И с другой стороны стандарты этого жилья тоже меняются, потому что потребности другие. Получается отчасти взаимный процесс. Я не исключаю, что ты прав, и это немного может подавлять. И уж точно может вызывать раздражение. Я не раз слышала именно раздражение, связанное с ценами, это понятно. Армения — небогатая страна, она не была готова к такому нашествию денег, реально никогда такого не было. Вопрос в том, сколько из этих денег останется здесь, но это немножко другой разговор. Но если говорить про московские привычки, многие из них здесь просто невозможны. На самом деле я поймала себя на том, что куча вещей, которыми я пользовалась в Москве, мне здесь просто не нужны. Вот то, что составляло, комфортную жизнь там, всякие доставки, даже не приходит в голову здесь этим пользоваться.

— Ты сказала, что несмотря на обманчивую внешнюю мягкость у этого города есть всё-таки ресурс сопротивляться. Как тебе кажется, кто кого соборет, Москва или Ереван?

— Конечно, Ереван. Потому что какие бы зарплаты по старой памяти у нас на лбу не горели, мы неплохо так сломаны и подбиты, этого нельзя не учитывать. При всем том, как мы хорохоримся, все-таки мы чужие, мы в роли чужаков, и нам, чтобы перестать быть чужаками, нужно пройти большой путь. Во-вторых, именно в этой мягкости и тепле сосредоточен главный ресурс. Как только ты достаешь свои московские иголки, как только начинаешь раздвигать плечами, идти напролом, упираешься в какую-то мягкость тепло принятие и перестаешь это делать. То есть мы меняемся. Я про себя могу сказать, что я чувствую, что я очень полегчала. И мне это очень нравится, я от себя этого вообще не ожидала, я думаю, что многие переживают какое-то подобное ощущение. То есть, как будто бы вот у тебя углы торчали, а их как бы стесали. Потихонечку стёсывают, поэтому я думаю что Ереван соборет. Возвращаясь к твоему вопросу: потребность быть взятыми сюда больше чем потребность в геттизации.

— Сейчас прозвучал ответ на главный вопрос нашего разговора: мы перестанем быть москвичами, когда ереванцами.